

р. 6.118

valh

TALLINNA POLÜTEHNILISE INSTITUUDI TOIMETISED
ТРУДЫ ТАЛЛИНСКОГО ПОЛИТЕХНИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА
Серия Б № 2 1961

А. ВАРККИ

**О ТВОРЧЕСКОЙ
ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ
ЭЛЬМАРА ГРИНА**

ТАЛЛИН, 1961

TALLINNA POLÜTEHNILISE INSTITUUDI TOIMETISED
ТРУДЫ ТАЛЛИНСКОГО ПОЛИТЕХНИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА

Серия Б

№ 2

1961

А. ВАРККИ

О ТВОРЧЕСКОЙ
ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ
ЭЛЬМАРА ГРИНА

АННОТАЦИЯ

статьи А. Варкки «О творческой индивидуальности Эльмара Грина»

Настоящая статья посвящена изложению основных проблем подготовленной автором к защите кандидатской диссертации о творчестве Э. Грина.

Статья полемизирует с теми критиками, которые пытаются свести проблему творческой индивидуальности писателя только к вопросам художественной формы его произведений. Проследивая жизненный и творческий путь Э. Грина, автор показывает, что это необычайно цельный художник, стремящийся поднять новые пласты жизненного материала, имеющий свою тему, свой стиль.

Творческую индивидуальность Грина А. Варкки видит, прежде всего, в том, что писатель, который сам долгие годы батрачил на кулацких полях, великолепно знает жизнь людей физического труда, преимущественно крестьян-бедняков и батраков. Больше того, этих «маленьких» людей Грин любит всеми силами души и поэтому всю мощь своего незаурядного таланта отдает борьбе за то, чтобы эти трудолюбивые, но забытые в прошлом, темные люди «прозрели» и нашли свое счастье в рядах борцов за социальный прогресс.

Свое страстное перо писателя-гуманиста Эльмар Грин отдает также борьбе за мир и дружбу между народами, в частности между советским и финским народами.

Произведения Э. Грина, посвященные современной Финляндии, сопоставляются в статье с наиболее популярным в этой стране романом В. Линны «Неизвестный солдат».

А. ВАРККИ

О творческой индивидуальности Эльмара Грина

Таллинский политехнический институт

Редактор В. Курвиц

Технический редактор и корректор Я. Мьттус

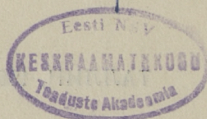
Сдано в набор 12. IV 1961. Подписано к печати 10 V 1961. Бумага 54x84¹/₁₆. Печатных листов 1,25. По формату 60x92 печатных листов 1,03. Учетно-издательских листов 1,07. Тираж 600 экз.

Заказ № 1007-е. МВ 03278.

Типография МВД, Таллин, Люхике ялг 4

Цена 7 коп.

Ep. 4626

В ярком созвездии талантливых советских писателей немалой величиной является Эльмар¹ Грин. Его книгам посвящены десятки рецензий и статей. Однако критики обычно видят творческое своеобразие писателя только в оригинальной художественной форме его произведений, забывая о том, что индивидуальность художника слова проявляется прежде всего в самом содержании его книг, в отборе материала, теме, в видении мира.

«Искусство, — говорил А. Толстой, — это опыт личной жизни, рассказанный в образах, в ощущениях, — личный опыт, претендующий стать обобщением»². Едва ли можно сомневаться в том, что эпоха и личный жизненный опыт писателя играют решающую роль в формировании его творческой индивидуальности. Вся история советской литературы показывает, что наиболее самобытные, жизненные темпераментные книги написаны теми писателями, которые были не наблюдателями, а ее творцами. Творческая практика Горького, Шолохова, Фадеева, Николая Островского и многих других советских мастеров литературы со всей очевидностью свидетельствует о том, что активнейшее участие в революционном преобразовании мира — крылья таланта.

Эльмар Грин — сын сапожника и батрачки — вместе со своим народом прошел суровую жизненную школу. В два года он потерял отца, в восемь лет — мать. Голодные, тяжелые годы гражданской войны сирота провел в различных приютах и детских домах. Летом 1922 года тринадцатилетний Александр бежал из детдома и с котомкой за плечами вступил в самостоятельную жизнь, полную тяжелого физического труда и жадного стремления к

¹ Эльмар — псевдоним Александра Васильевича Грина.

² А. Толстой. Избр. соч. в 6 томах, т. 6, изд. «Сов. писатель». М., 1953, стр. 589.

познанию мира, горьковских «университетов», одиночества, отчаяния и веры в лучшее будущее.

В Новгородской и Псковской губерниях юноша четыре года тянул батрацкую лямку на полях местных кулаков, в основном переселенцев из Эстонии. Здесь юный Грин оказался в водовороте классово-борьбы на уединенных эстонских хуторах, вступил в комсомол, стал селькором. 23 мая 1925 года в торопецкой уездной газете «Светоч» появилось стихотворение «Ляда», подписанное: «Комсомолец Александр Грин». Это первое печатное произведение автора «Ветер с юга» и «Другого пути». Вскоре та же газета напечатала новые стихи Грина: «Не все кулаку масленица», «Комсомол», «Там и здесь», «Масленичное». Стихи незрелые, наивные, но тематика их говорила о том, что юный поэт был в самой гуще жизни, его волновали животрепещущие вопросы борьбы с кулачеством и пережитками прошлого в сознании людей и в быту, он воспевал «комсу», штурмующую старую деревню, и агитировал за передовую агротехнику.

Последующие три года жизни А. Грина были заполнены скитаниями в поисках лучшей доли. Он прошел пешком от Псковщины до Херсона, а затем — все северное Причерноморье до Кавказа, Кубань и Калмыцкие степи. Путешествие прерывалось только случайной работой в качестве чабана, грузчика, батрака, рабочего молокозавода, продавца в сельском кооперативе. Во время пребывания в Керчи Грин снова взялся за перо и написал очерк из жизни улицы, опубликованный в газете «Красная Керчь» (25 сентября 1927 года) под недвусмысленным названием «Ненужные» и подписанный псевдонимом «Один». В очерке немало горечи, порожденной одиночеством и босяцкой жизнью автора. Однако заключительные строки оптимистичны: «Взгляды, бросаемые на меня людьми, полны презрения, потому что я тоже босяк.

Но только люди не знают, что я не совсем обыкновенный босяк. Они не знают, что у меня подано заявление в военную школу и, хоть мало шансов на удачу, все же в груди большая надежда.

И пусть я питаюсь сейчас арбузными корками, пусть с презрением сторонится от меня «чистая» публика, я не обращаю внимания, веря, что и я в будущем стану человеком».¹

¹ «Красная Керчь», 1927, 25 сентября, стр. 3.

Нельзя, разумеется, отождествлять рассказчика с автором, но, по-видимому, в очерке немало автобиографического.

Если к сказанному о жизненном пути Грина добавить, что он пять лет служил добровольцем в Балтийском военном флоте, несколько лет работал радистом в лесных трестах Ленинградской области, а всю Великую Отечественную войну провел на фронте в качестве командира взвода связи, а позднее — военного журналиста, то станет очевидным, что писатель в самые суровые годы в истории нашей страны более двух десятилетий жил, трудился и боролся за социализм плечом к плечу с рядовыми труженниками. Это и сыграло решающую роль в формировании его как писателя.

В рассказе Грина «Из общей тетради» есть проникновенные слова: «... очень трудно людям, работающим на земле. Их руки тяжелы и грубы от постоянной работы, и кожа на их ладонях и пальцах пропитана землей. Но это хорошие, красивые люди с добрыми сердцами. Они кормят всех других людей, весь мир. Надо очень хорошо что-нибудь сказать о них всем другим людям. И надо сделать так, чтобы никогда больше никто не помешал им сеять на земле хлеб для всех людей, чтобы никто не сжигал их жилища... Ведь если им не мешать и даже поддерживать их добрым словом, они могут сделать сытыми и счастливыми весь мир, потому что они очень хорошие люди»...¹

Эти слова вложены в уста героя рассказа юноши Вани Лаврушина, но читатель воспринимает их как авторское кредо. Действительно, всю силу своего незаурядного таланта, весь жар души и страсть большого человека-любца Эльмар Грин отдал на то, чтобы «очень хорошо что-нибудь сказать» о простых людях, своим трудом кормящих весь мир. В этом, и только в этом, — корни той необычайной цельности, которая так характерна для творчества Грина. Писатель отлично знает чувства и мысли, труд и быт людей физического труда, преимущественно крестьян. Больше того, он их любит всеми силами души. Поэтому, о ком бы он ни писал: о хуторянах-эстонцах или карельских лесорубах, о финских батраках или советских рабочих (рассказ «Ее победа»), о матери-финке или

¹ «Звезда», 1948, № 1, стр. 18.

советском школьнике, — пафос его книг всегда в воспевании простого человека — труженика и борца и в развенчивании сил, враждебных ему.

Э. Грина привлекают по существу только две связанные одна с другой темы: «прозрение и «выпрямление» темного, забитого труженика под влиянием самой действительности — нашей «трагически прекрасной эпохи» (М. Горький), эпохи коренной ломки старого мира, и борьба против войны, несущей гибель его любимым героям, только пробуждающимся к настоящей жизни.

Жизненный путь самого писателя дает ответ на вопрос, почему именно эти темы захватили его: каждый настоящий художник пишет о том, что пережито и нередко выстрадано им самим, о чем он не может не писать. В этом основа свежести, жизненности, оригинальности искусства, ибо личность и судьба художника всегда неповторимы. Эти темы, разумеется, в той или иной мере привлекают и многих других советских писателей, однако в творчестве Грина они являются решающими и имеют свои особенности, оттенки, свой аспект, обусловленные личностью писателя, а также национальными, историческими, местными и другими особенностями материала.

Эпиграфом к творчеству Э. Грина можно было бы поставить замечательные слова В. И. Ленина: «Только борьба воспитывает эксплуатируемый класс, только борьба открывает ему меру его сил, расширяет его кругозор, поднимает его способности, проясняет его ум, выковырывает его волю».¹ Благотворное влияние участия в революционной борьбе писатель испытал на себе: русская революция открыла перед ним, бывшим беспризорником, сиротой, путь в большую советскую литературу. Выстраданное и завоеванное убеждение стало основой пафоса его книг.

Любимые герои Грина — это те самые люди труда, которых литература прошлого окрестила «маленькими». Но советский писатель-гуманист видит их большими, крупными, яркими. Это люди простые, даже грубоватые, но они величайшие трудолюбцы, силачи, натуры цельные, не имеющие понятия о душевной раздвоенности, рефлексии, способные на глубочайшие чувства. Они не довольствуются идеалом мещанского благополучия, а через

¹ В. И. Ленин. Сочинения, т. 23, стр. 233.

муки и заблуждения, преодолевая собственное упрямство и косность, выходят на единственно достойный настоящего человека путь — становятся борцами за социальный прогресс, за мир и дружбу между народами.

На первый взгляд герои Грина могут показаться ограниченными людьми, ибо они далеки от интеллектуальных высот. Но ведь нужно учитывать замысел писателя и его индивидуальность. Э. Грина, как уже говорилось выше, привлекают люди, которые только «прозревают», рвут пути прошлого и вступают на путь прогресса.

Если не считать юношеской «пробы пера», о которой речь шла выше, то можно сказать, что Э. Грин вступил в литературу с вполне зрелыми рассказами. «Когда перед войной, — писал покойный Б. Лавренев, — в Ленинграде впервые появился рассказ неизвестного автора с несколько экзотической подписью — Эльмар Грин, многие подумали, что это псевдоним, под которым захотел укрыться кто-то из зрелых мастеров прозы. Слишком непохож этот рассказ на произведение начинающего писателя — суховатый, точный, с превосходным чувством северной природы, со скупыми меткими характеристиками персонажей. Но предположение не оправдалось. Автор оказался никому до того неведомым новичком, и его имя было подлинным».¹

Секрет успеха первых рассказов Грина, по-видимому, кроется в том, что он вступил в литературу уже зрелым человеком, много повидавшим и пережившим и — главное — обладающим незаурядным талантом. Уже в ранних рассказах — «Пиетри», «Эйно», «Друзья», «Темные ели», «Старый Уйт», «Возвращенная семья», «Последний стог сена», «Пройденные болота», «Леппялехти» — обнаружился острый глаз молодого писателя, его чуткое к народной речи ухо, мощный, но сдержанный темперамент, умение найти решающие в жизни героев эпизоды, в которых, как в фокусе, выпукло и рельефно раскрываются их характеры.

Работая над рассказами, писатель опирался главным образом на свои наблюдения над жизнью хуторян-эстонцев, в свое время переселившихся в Россию, а также на свой жизненный опыт. Литературная традиция при этом не играла сколько-нибудь существенной роли. Рассказы при-

¹ «Литературная газета», 1947, 7 июня, стр. 3.

влекают читателя, прежде всего, суровой правдой жизни, поворачивающейся к нему то своей прекрасной, поэтической стороной, то уродливой и страшной. Молодой писатель не обходит острых углов, стремится передать подлинный драматизм социальных конфликтов, раскрыть всю сложность, а подчас и противоречивость тех или иных явлений жизни. И в большинстве случаев это ему удается.

Если учесть то, что ранние произведения Э. Грина посвящены изображению социалистических преобразований в деревне и что на эту тему до него были написаны такие выдающиеся произведения, как роман Шолохова «Поднятая целина», роман Панферова «Бруски», а также книги Шухова, Пермитина и других писателей, то станет очевидным, что молодому автору легко было скатиться на путь подражательства. Однако Грин сумел избежать этой опасности и внес свой вклад в художественное исследование одного из величайших явлений современности. Ему удалось рельефно показать особенности колхозного переворота на уединенных эстонских хуторах, в одном из «медвежьих уголков». Как писал В. И. Ленин, «... индивидуализм сделался основой экономических отношений не только между ростовщиком и должником, но между крестьянами вообще».¹ Если индивидуализм был характерен для крестьян вообще, то что же говорить о крестьянах-хуторянах, которые, по словам Грина, «отгородились от всего мира заборами и частоколами». Если учесть также националистические предрассудки эстонцев-хуторян и наличие среди них значительного количества кулаков, то становится понятным, на какую каменистую почву приходилось сеять семена нового в этих районах.

Одной из лучших вещей молодого Грина является рассказ «Старый Уйт». На малой площади писателю удалось создать яркий образ незаурядного человека из народа. Сюжет рассказа несложен: это внешне незамысловатое повествование о том, как матерый индивидуалист, хуторянин Ян Уйт копал могилу большому камню и сам чуть было не оказался погребенным под ним. Однако внутренние монологи героя, его воспоминания о прошлом широко раздвигают рамки рассказа. В результате читатель получает возможность проследить истоки формиро-

¹ В. И. Ленин. Соч., т. I, стр. 238.

вания характера Уйта и глубоко проникнуть в его внутренний мир.

Полноте раскрытия характера Уйта способствует также то, что он эпизодически появляется и в других довоенных рассказах Грина («Пиетри», «Темные ели», «Последний стог сена»), о нем сообщаются некоторые сведения в «Возвращенной семье». Образ Яна Уйта по существу проходит через весь довоенный цикл рассказов Эльмара Грина. Чувствуется, что это одно из любимых созданий писателя.

В гриновском герое все крупно: и его богатырское физическое сложение, и его чувства, и даже его предрассудки и заблуждения. Эстонский батрак, он в конце прошлого века переселился в Россию, где купил участок леса и болота. Это была теперь его земля. В нее Уйт вложил свою молодость, свою зрелость, надрываясь по двадцати часов в сутки. Жизнь в обществе, где человек человеку — волк, научила его рассчитывать только на самого себя. «Он жил один среди леса, он работал один, он верил только в силу своих рук и в свое здоровье и больше ничего не хотел знать».¹

Двужильный, трудолюбивый, Ян Уйт сумел превратить свое болото в небольшое, но образцовое хозяйство — предмет его законной гордости. Ценою десятилетий каторжного труда он достиг, наконец, своей цели. А цель была примитивно проста — «есть вдоволь хлеба с маслом, вдоволь мяса и сала» (стр. 325). За кусок хлеба веками бились крестьяне — «древние индивидуалисты и рабы природы».²

Нам по-человечески понятно, почему Ян Уйт упорно отказывается от вступления в колхоз: слишком много труда вложил он в свой клочок земли, чтобы легко от него отказаться. К этому надо добавить консерватизм Уйта, боязнь потерять свою кажущуюся независимость, его непомерную гордость и наличие в сознании старика националистических пережитков (инициаторами создания колхоза были русские). И все-таки упрямый, гордый Уйт пришел в колхоз: логика самой жизни оказалась сильнее его. Следует отметить, что к этому решению старый Уйт пришел внезапно, после драматической истории с камнем.

¹ Э. Грин. Избранное. М., изд. «Сов. писатель», 1948, стр. 312. (В дальнейшем ссылаюсь на это издание).

² М. Горький. Собр. соч. в 30 томах, т. 27, стр. 123.

Точнее: эпизод с камнем был решающим событием в жизни героя, которое привело к своеобразному скачку в его взглядах. Но такой скачок стал возможным не только в силу чрезвычайной важности события, но и благодаря тем количественным изменениям, которые постепенно, незаметно накапливались в сознании героя. Только в колхозе по-настоящему развернулись богатырские силы Яна Уйта. Здесь нашли достойное применение его необычайное трудолюбие, честность и хозяйственность.

В образе старого Уйта Э. Грину, на мой взгляд, удалось раскрыть некоторые важные качества эстонского национального характера. Думается также, что, создав образ Уйта, Грин обогатил наше представление о колхозном перевороте, о крестьянине-середняке. Его герой во многом отличен от своих собратьев из произведений других советских писателей. В нем, к примеру, нет той болезненной страсти к наживе, которой страдает панферовский Никита Гурьянов. В Уйте труженик доминирует над собственником.

Уже в ранних рассказах Э. Грина обнаруживаются особенности его творческой индивидуальности. В частности, в них значительное место занимает тема «прозрения» забитого «маленького» человека. С большой теплотой описаны Грином бартаки Пиетри Ойнас и Юлиус Пимме. Это люди, сформировавшиеся в условиях «власти тьмы», идиотизма старой деревни. Вся их прошлая жизнь — бесконечный, как голодный год, тяжелый труд на хозяев. Этот труд закалял их физически и обворовывал нравственно и политически. Поэтому не может быть и речи о каких-то зачатках классового самосознания у этих людей. Будучи физически намного сильнее своих мучителей, они покорно несут ярмо рабства. Больше того, Юлиус Пимме яростно бросается на продотрядцев, конфискующих хлеб его хозяина кулака Иоганеса Карьямаа. А двуличный Пиетри оказывается беспомощным перед кулаками своего приемного отца Ойнаса, озверевшего и одичавшего на хуторе. Не случайно стоны Пиетри после очередного избивания его Ойнасом автор сравнивает со звуками, «которые можно услышать от некормленного пса, мокнущего под крыльцом» (стр. 174).

Стремясь к правдивому отображению суровой действительности двадцатых — начала тридцатых годов, Э. Грин показывает, с какими муками, с каким драматизмом про-

исходил процесс «выпрямления» личностей, подобных Пиетри и Юлиусу. Этот процесс порою принимал трагический характер. Юлиус Пимме гибнет от руки зверя-хозяина в самом начале своего нравственного перерождения, толчок к которому был дан его встречей с людьми новой деревни — колхозниками. Более счастливой была судьба Пиетри. Когда его полюбила дочь старого Уйта Сальми, мир открылся для Пиетри с новой стороны. С новой стороны открылся и сам Пиетри. Оказалось, что Ойнасу не удалось своими свинцовыми кулаками выбить из него все человеческое. Сила чувства этого казалось бы безнадежно погибшего человека с тусклыми глазами потрясает читателя. Но по-настоящему незаурядная натура Пиетри Ойнаса расцвела только в колхозе, где он впервые в жизни встретил подлинно человеческое отношение к себе. Новый Пиетри поражает нас необыкновенной близостью к природе, щедрой любовью ко всему живому, завидным упорством в овладении знаниями, замечательной бдительностью.

«От рассказа, — писал А. М. Горький, — требуется четкость изображения места действия, живость действующих лиц, точность и красочность языка, — рассказ должен быть написан так, чтобы читатель видел все, о чем рассказывает автор».¹ Мне кажется, что Э. Грину уже в первых своих вещах во многом удалось добиться этого. И причина здесь простая: автор описывает только то, что отлично знает, что видел и пережил. Если бы, к примеру, он сам не бился с сохой среди пней и корней, то в рассказе «Друзья», вероятно, не было бы следующих слов о Юлиусе Пимме: «... ночью снятся не ровные рыхлые борозды, а корявые пни и пучки корней. И руки дергаются во сне, как будто поминутно вырывают соху из земли» (стр. 242). А без таких жизненных деталей нет настоящего искусства.

Об одном из своих героев Грин пишет: «У Леппялехти все кипело внутри, хотя по его лицу это трудно было заметить» (стр. 406). Нечто подобное можно было бы сказать о творческой манере самого автора. Она очень похожа на его героев (и в этом один из секретов пластичности произведений Грина) — немногословных, сдержанных в проявлении своих чувств северян. Характерно, что в девяти довоенных рассказах Грина нет ни одного лирического

¹ М. Горький. Собр. соч. в 30 томах, Т. 25, стр. 128.

отступления. Автор внешне подчеркнуто объективен, экономен в изобразительных средствах, сдержан. Но трепетное сердце художника-гуманиста, его любовь и его ненависть все время пробиваются сквозь эту внешнюю оболочку — то в многозначительной портретной детали («мертвый, большой рот» кулака Якова Карьямаа, «готовый пожрать без всякой жалости весь мир»), то в метком сравнении (кулак Иоганес Карьямаа сравнивается с «огромным жирным пауком»), то в разящей иронии (рассказ «Эйно»), то в самой логике развития сюжета, то в картинах северной природы. Внимательный читатель постоянно ощущает горячую любовь писателя к жизни. Поэтому такой большой впечатляющей силой отличаются не только сильные характеры любимых Гринем народных богатырей, но и те картины животного и растительного мира, которых коснулся писатель. Не могла, к примеру, рука равнодушного к жизни художника нарисовать пейзаж так, как это сделано в рассказе «Пиетри»: «Даже в том лесу, где работал Пиетри, яркие лучи пролезли в самую гущу молчаливых деревьев, заставляя блестеть и трепетать часть ветвей, в то время как остальные еще глубже уходили в темно-зеленый мрак. Да зачем-то еще драли свои глотки разные птицы там, наверху. Откуда-то пахло муравьями, медом и смолой. Где-то вверху гудели пчелы. Это от них пахло медом. Наверно, дикий улей в дупле. Но запах меда был очень слаб. Его легко вытесняли запахи прелого моха и ранних, водянистых грибов. Лес полон запахов. Все они переплетаются вместе. Каждый ствол, в который Пиетри вонзал топор, имел свой запах; каждый куст ольхи и вереска, вырванный им с корнем, имел свой отчетливый запах. Все расчищенное им место, все кучки сучьев и дров, наваленные им за день, переплетались самыми причудливыми запахами» (стр. 183).

Успеху довоенных рассказов Э. Грина способствовала и новизна жизненного материала, служившего предметом его художественного исследования. Молодой писатель по сути дела первым отобразил в литературе жизнь переселенцев из Эстонии на переломном этапе. Сам процесс переселения описан в известном романе классика эстонской литературы Э. Вильде «Пророк Малтсвет». Но дальнейшая судьба переселенцев выпала из поля зрения как эстонской, так и русской литературы.

* * *

Те особенности творческого почерка Э. Грина, которые наметились уже в довоенных его рассказах, особенно рельефно проявились в романе «Ветер с юга». Образ главного героя этого романа Эйнари Питкяниemi критика справедливо считает наивысшим художественным достижением писателя. В образе Питкяниemi Э. Грину, на мой взгляд, удалось раскрыть некоторые существенные черты финского национального характера.

Трудолюбие Эйнари не знает границ, честность его доходит до педантизма. Тяжелая, непрерывная борьба за кусок хлеба в условиях социальной несправедливости, царящей в Суоми, а также единоборство с суровой, бедной дарами северной природой приучили Питкяниemi довольствоваться малым, выработали в нем необыкновенное упорство, терпеливость. Он истинный представитель народа, создавшего пословицы: «Терпеливый все победит», «Не доходы приносят достаток, а бережливость».

Эйнари Питкяниemi — человек очень сдержанный, медлительный, упорный даже в заблуждениях, но далеко не равнодушный к жизни. Он горячо любит жену, детей, брата, страстно мечтает о собственном клочке земли (в начале романа его мечты дальше не простираются).

Художественная сила романа несомненно усиливается от того, что автору удалось постичь характер, передать интонации, ритм речи финского крестьянина. Отсюда немногословие, простота, образность и точность языка рассказчика. И здесь писатель верен правде жизни: его герой представляет народ, создавший «Калевалу». Один из исследователей еще в прошлом веке отмечал: «Речь финского крестьянина так складна, ясна и толкова, что ее почти всегда можно бы напечатать без малейшей перемены».¹

Финнов, как известно, принято считать людьми суровыми и молчаливыми. Но в то же время они не лишены чувства юмора. Классик финской литературы Алексис Киви назвал свой народ одним из самых больших юмористов на свете. И это Киви доказал своим популярным

¹ И. Эман. О национальном характере финнов. Альманах в память 200-летнего юбилея императорского Александровского университета, Гельсингфорс, 1842, стр. 244.

романом «Семеро братьев», который блещет всеми цветами неподдельного народного юмора.

Известно также, что финны нередко склонны беспощадно иронизировать как над чужими, так и над собственными недостатками. Все это в полной мере присуще и герою Грина.¹

Обладая многими привлекательными личными качествами и национальными чертами, Эйнари Питкяниеми в то же время поражает нас своими чудовищными заблуждениями в вопросах социальных. Эпоха разгула реакции в Финляндии наложила на него свою печать. То, что на протяжении многих лет методически, настойчиво вколачивали ему в голову пастор, хозяин, газеты, засело там основательно. Питкяниеми враждебно относится к Советскому Союзу, терпеливо выслушивает антисоветский бред щюцкоровца Похьянпя, верит рассказам хозяина о зверствах русских (его брат Вилхо был в плену), собирается мстить за брата.

Военные потрясения, являвшиеся следствием авантюристической политики финских реакционеров, заставили героя «Ветра с юга», как и сотни тысяч других финнов, производить мучительную переоценку ценностей. Фальшивые лозунги и ложные представления, годами насаждавшиеся в финском народе, не выдержали испытания временем и огнем. Суровая правда истории переубедила даже самых упрямых.

Глубоко проникая в психологию своего героя, Э. Грин убедительно показывает, как постепенно, в мучительной внутренней борьбе, являющейся результатом величайших социальных потрясений, «прозревали» простые финские люди. Из врага нашей страны Эйнари Питкяниеми, пройдя тернистый путь отрезвления от шовинистического угара на полях сражений, превращается в его верного друга. А такое превращение не проходит бесследно для простого труженика капиталистической страны. Изменяется и его отношение к хозяевам жизни на родине. Эйнари побеждает раба в самом себе и становится на единственно пра-

¹ Вспомним в этой связи восприятие Эйнари своей внешности: «... подбородок тяжелый и широкий, как лопата... А нос! Это был не нос, а сапог с загнутым кверху широким носком» (стр. 49). В этом же плане написана сцена, когда герой наглядно демонстрирует на физиономии щюцкоровца Эльяса Похьянпя, как его, Эйнари, бил на фронте русский. Оружием иронии автор развенчивает кулацкого сына Вихтори Куркимяки и щюцкоровца Похьянпя.

вильный путь борьбы за права обездоленных. И поэтому так мажорно звучат заключительные страницы романа. Бурная весна в природе, которую принес теплый «ветер с юга», гармонически сливается с весной, царящей в душе героя. «Я очень сильный сегодня, — заканчивает он свой рассказ-исповедь. — Запах весны бьет мне в ноздри... Я расправляю плечи и чувствую, как все звенит у меня внутри» (стр. 170).

Создание яркого образа простого труженика, выходящего на нелегкий путь борьбы за социальный прогресс, является большой заслугой писателя-гуманиста. Эйнари Питкяниеми — финский национальный характер. Но в его образе автор типизировал одно из важнейших явлений нашей эпохи, характерное не только для Финляндии, но и для других стран, — рост самосознания социальных низов под влиянием исторических побед Советского Союза, революционизирующее влияние нашей страны на весь мир.

Актуальность и интернациональный характер темы, высокие художественные достоинства принесли роману «Ветер с юга» большой успех. По данным Всесоюзной книжной палаты на 1 июля 1957 года, в СССР он издавался 35 раз общим тиражом в 868000 экземпляров. Кроме того, роман переведен на многие иностранные языки и издан в Болгарии, Венгрии, ГДР, Голландии, Дании, Италии, Китае, Польше, Румынии, Франции, Чехословакии, Швейцарии, Швеции и Японии. Многие газеты ГДР напечатали отрывки из романа Грина, поместили рецензии на него. Газета «Нейес Дейчланд», в частности, писала в номере от 6 июня 1948 года: «Этот роман, написанный большим художником-человековедом, намного лучше объясняет изменения, которые в последнее время произошли и происходят на Крайнем Севере, чем это могли бы сделать очень многие серьезные исследования».

Можно с полным основанием сказать, что советскому писателю, вооруженному подлинно научным марксистско-ленинским мировоззрением, опирающемуся на передовой творческий метод — социалистический реализм, удалось глубже проникнуть в отдельные стороны финской действительности, чем некоторым, даже очень талантливым писателям самой Финляндии.

В этой стране в последние годы наибольшей популярностью пользовался роман В. Линны «Неизвестный солдат», посвященный проблеме участия Финляндии в минув-

шей войне. Автор мастерски описывает рядовых солдат, сержантов, младших офицеров. Солдаты Линны беспощадно издеваются над официальными шовинистическими идеями, посылают тысячи проклятий на головы господ, резко выступают против войны. Но эти же солдаты даже в самом конце войны сражаются с исключительным мужеством. В романе нет глубокого раскрытия социальных конфликтов. В. Линна, оставаясь в русле финской классической литературы, не идет дальше общедемократического пафоса и поэтому изображает жизнь недостаточно глубоко и несколько односторонне. Такой подход к действительности, разумеется, характерен и для других финских писателей, стоящих на позициях буржуазного объективизма.

Тема роста самосознания социальных низов под влиянием важнейших исторических событий последних десятилетий — главная, но не единственная в творчестве Э. Грина. Важное место в нем занимает борьба за мир и дружбу между народами.

«Мы — люди, писал Грин в статье «Человек будет жить», — и поэтому навсегда останемся патриотами своей планеты — Земли, родившей нас. И сам человек — вершина земных творений — навсегда останется в наших глазах созданием непревзойденным»...¹ В следующих двух абзацах этой вдохновенной статьи автор пишет о прекрасных качествах человека и затем продолжает: «Нам неизвестны пока еще другие существа, носящие в себе такие же качества. Известен только человек. И поэтому-то нам так дорого это удивительное порождение Земли, это сотканное из молекул живое чудо, поднявшееся из первичной тины и слизи до звездных высот. Потому-то мы все наши надежды и всю нашу любовь отдаем ему...

Но любуясь прекраснейшим творением Земли и гордясь его достижениями, мы тем не менее полны тревоги. Не все идет гладко в жизни человечества. И страшные бедствия грозят низринуться на него именно в такой момент, когда оно вступило на порог новой эры».²

Эти патетические слова дополняют то авторское кредо, которое мы встретили в рассказе «Из общей тетради». Восхищение и любование красотой трудящегося человека, борьба за то, чтобы он занял достойное место в жизни,

¹ «Литературная газета», 1957, 5 ноября, стр. 4.

² Там же.

тревога за его судьбу в наш атомный век и вера в него составляют пафос книг Э. Грина. И книги эти поэтому находятся на переднем крае современной мировой прогрессивной литературы, обеспокоенной судьбой человека в нашу драматическую эпоху. Честные писатели современности — люди различных политических взглядов и творческих индивидуальностей, различной силы таланта — озабочены решением вопроса о месте простого человека в жизни, о том, как избавить его от ужасов войны.

Эльмар Грин видит одно из могучих средств борьбы против развязывания новой мировой войны в развитии дружбы между народами. В широком эпическом полотне — романе «Другой путь» — ему особенно удался образ финского революционера Илмари Мурто, большого, мужественного человека, верного друга Советской России. Его устами писатель выражает свои сокровенные думы: «Не может быть вреда народам от дружбы. И не может в самих народах лежать причина для их вражды. Если же эта вражда существует — значит, ее насадили сверху.... И самое страшное преступление, которое им (правящим кругам Финляндии. — А. В.) удалось совершить, — это привить вражду детям, никак не рожденным для вражды, привить им вражду к народу, о котором они ничего не знают, ибо еще не могли успеть лично с ним познакомиться. А народам надо лично знакомиться. И такое знакомство не приводит к вражде. Чаще оно приводит к дружескому рукопожатию».¹

В рассказе «Мать» Э. Грин выступает против войны с позиций матери. Материнское сердце воспето тысячекратно. Но оно настолько многогранно, что в каждую историческую эпоху обнаруживает новую сторону. И Грин отлично понимает это. Поэтому рассказ «Мать», как и другие книги писателя, очень современен. На долю его героини, простой финской крестьянки Вилмы Туоминен, выпали величайшие испытания — две войны унесли у нее мужа и сына. А вскоре после гибели сына судьба столкнула ее с тяжело раненым русским юношей. В русских же ее приучили видеть своих врагов. Мучительная внутренняя борьба в Вилме заканчивается победой материнского чувства. Она нашла в себе силы преодолеть чуждую сердцу матери, насажденную сверху враждебность к соседнему народу. Умудренная и просветленная страданиями,

¹ Э. Грин. Другой путь. Роман-газета, 1956, № 10, (130), стр. 33.

Вилма Туоминен из любящей и скорбящей жены и матери превращается в гражданина и борца. Любовь к своему сыну возвышается в ней до любви ко всем детям человеческим, которым война несет гибель. Поэтому грозным предостережением поджигателям войны звучат слова «великой матери» (так Вилму назвал спасенный ею русский): «Призывая убивать подобных себе, обратился ли ты предварительно за советом к ней (матери. — А. В.)? Меня спросить надо — мать! Слышите вы, творящие земные законы? Меня спросите, как надо их составлять, и тогда в них не будет ошибки, ввергающей людей в безумное истребление друг друга».¹

«Двуединая сущность писателя, — говорил Л. Соболев в докладе на первом съезде писателей Российской Федерации, — заключается в уменье увидеть и распознать и уменье рассказать и убедить».²

Э. Грин обладает этими двумя неразрывно связанными качествами писателя, что и обуславливает художественную силу и действенность его произведений. Ясная и четкая идейная позиция, подлинно интернациональный кругозор, острый глаз и драгоценное для писателя чувство нового, богатый жизненный опыт, неугасимая любовь к простым людям и незаурядный талант позволяют Грину создавать полнокровные, рельефно очерченные характеры, в которых правдиво отражаются существенные стороны нашей эпохи. Как и всяким творениям подлинного искусства, произведениям Э. Грина совершенно чужда декларативность. Художник умеет привести читателя к нужным выводам самой логикой развития действия и характеров. А так как действие у него всегда полно сурового драматизма, являющегося отражением переломных этапов истории, а характеры отличаются большим накалом чувств, — произведения писателя обладают большой впечатляющей силой.

Я остановился на наиболее сильных сторонах Э. Грина как художника. Все сказанное отнюдь не означает, что в его творчестве нет уязвимых мест или слабостей. Они есть, и о них надо говорить прямо и решительно, а не замалчивать, как это делают некоторые критики, в частности Арк. Эльяшевич.³ Неудачи подстерегают Э. Грина, прежде всего,

¹ «Нева», 1957, № 6, стр. 122.

² «Литературная газета», 1958, 8 декабря, стр. 3.

³ См. его безудержно хвалебную статью о романе «Другой путь» в «Литературной газете», 1956, 17 ноября, стр. 2—3.

там, где он перестает доверять суровой простоте жизненного сюжета и начинает «усложнять» его надуманными детективными элементами. Тогда появляются на страницах его книг таинственная история убийства председателя колхоза «Ома-маа» (рассказ «Последний стог сена») или эпизод, когда дядя Вася заставляет своего врага, фашистского офицера Вурма, на протяжении нескольких часов плясать под дулом своего автомата (рассказ «Из общей тетради») или, наконец, встречи советского разведчика Юхо Ахо с его тезкой, шюцкоровцем Юесси Мурто, описанные с блеском, но почти ничего не дающие для идейного содержания романа («Другой путь»).

Другая опасность, угрожающая Грину, — влияние литературных штампов, дань которым время от времени отдает писатель. В рассказе «Друзья» глухонемой батрак Юлиус Пимме дважды в самое последнее мгновение уклоняется от занесенного над его головой топора хозяина. Не отличаются свежестью также некоторые сюжетные ходы и описания в романе «Другой путь» (атака немцами партизанского островка под прикрытием жены и ребенка командира партизан; описание ресторанов финской столицы).

На мой взгляд, не всегда Грин находит лучшую, единственно возможную композицию для своих книг. Писатель любит вести повествование от лица главного героя. В рассказах и в романе «Ветер с юга» такое построение следует признать удачным. Но этого нельзя сказать о многоплановом романе «Другой путь», действие которого часто перемещается из одного района Финляндии в другой. Даже при большой «охоте к перемене мест» рассказчик Аксель-Матти Турханен не в состоянии быть везде, куда переносится действие романа, и поэтому нередко вынужден рассказывать о важных событиях с чужих слов. А это не может способствовать их яркому конкретно-чувственному изображению. В «Другом пути» привычная для Грина манера развернутого монолога-исповеди героя несомненно оказала сковывающее влияние на возможности автора. То, что хорошо для сравнительно небольшого по объему романа с единой сюжетной линией, не подходит для многопланового эпического произведения.

И еще одна опасность угрожает Э. Грину. Стремясь к оригинальному повороту сюжета или свежему построению фразы, писатель иногда теряет чувство меры, и тогда жизненная правда или точная и ясная передача происходя-

щего приносятся в жертву эффектному жесту или мнимо-оригинальной, неестественной в данной обстановке фразе. В рассказе «Мечь Пекки Хильясало» герой в течение многих лет вынашивает мысль о мести своему врагу, советскому воину С. П. Смирнову, который в рукопашной схватке поломал ему руку. Пекка заучивает русские слова: «На, получай!». Наконец, ему в составе финской делегации удается попасть в Советский Союз и встретиться со своим врагом. Пекка уже взмахнул финкой, чтобы нанести долгожданный удар, но, заметив у Смирнова протез вместо руки, он дарит ему нож в знак окончания былой вражды. Эффектно, но, к сожалению, неправдоподобно, надуманно!

А драматическую сцену схватки Акселя Турханена с диверсантом Муставаара в конце первой книги «Другого пути», закончившейся тяжелым ранением Акселя, автор считает возможным заключить следующей словесной эквилибристикой: «Кости моего черепа разлетелись на все стороны, и не стало больше на свете Акселя Турханена. Но должно быть один из осколков моего черепа все же как-то удержался на своем привычном месте. А в этом осколке сумела сохраниться одна маленькая мысль, которая овладела мной сразу же, как только я на минуту пришел в себя». Обидно, что такой тонкий художник, как Э. Грин, не замечает здесь вопиющего противоречия между драматическим содержанием и шутливо-гротескной формой его выражения.

Отмеченные просчеты писателя, конечно, снижают в какой-то мере художественную ценность его книг. Однако нельзя отрицать, что они выдержали проверку временем, что это творения настоящего художника, окрыленного любовью к простым людям, борющегося своим страстным пером за самые передовые идеалы современности.

Э. Грин достиг творческой зрелости. Не так давно ему исполнилось пятьдесят лет. Можно надеяться, что талантливый писатель сумеет преодолеть отдельные частные недостатки в своем творчестве и создаст еще более значительные книги, служащие великому делу сближения народов.

1911

Цена 7 коп.

